

Мадам Женестьева Лаке открыла окно и глубоко, до покалывания в легких, вдохнула свежий морской воздух. Рядом с домом лениво шевелили своими мощными зелеными ветвями деревья, посаженные еще родителями ее покойного мужа. Было по-утреннему тихо. Лишь птицы нарушали эту тишину. Семья скворцов возилась в своем домике на дереве, стрижи носились в воздухе, издавая узнаваемые свистящие звуки, горлицы гортанно ворковали под окном.

Да, у мадам Женестьева здесь было чудесно, об этом говорили все, кто приезжал к ней из города. Птицы поют, как в раю. Воздух — не надышишься. Если добавить к этому парное молоко от собственных коров да пышные нормандские омлеты с зеленью «о фин ёрб» по утрам, то становится понятно, почему приезжие так неохотно покидали дом мадам Женестьева.

Она вообще любит чистоту и порядок. Аккуратность свойственна нормандским женщинам, но мадам Женестьева превзошла всех своих знакомых в радиусе двадцати километров. В соседнем городке Понтабери и на близлежащих виллах о ее педантичности ходили легенды. Например, дорожки в саду и перед домом выкладывали только белыми камнями, которые специальный работник собирал на побережье. Столовые скатерти и постельное белье менялось через день и тщательно стиралось прачкой вручную, так как мадам Женестьева не признавала стирки с помощью машин. Она считала, что так портится чудесное льняное полотно, из которого были сделаны постельные принадлежности, полотенца и скатерти — все это она получила в приданое, выходя замуж за мсье Пьера Лаке. «Такую ткань сейчас уже

не делают, — ворчала она, наблюдая за прачкой. — Поэтому, милочка, поосторожней!» Затем все белье сушили на толстых, почти корабельных канатах, на свежем, насыщенном ароматами морском ветру, гладили специальным утюгом и убирали на хранение в комоды. Перекладывалось все это великолепие специальными матерчатыми мешочками с благоухающим травяным сбором, тайну состава которого мадам Женестьева никому не выдавала. Когда это белье извлекали из глубин комода и стелили на пышные старинные перины, гостям не хотелось вставать по утрам, так как все они испытывали блаженство, проведя ночь в чудной постели. Тот же порядок был и в кухне, и в буфетной, и в столовой, и в подвале, где хранились припасы, и на мансарде среди ненужных вещей, и во всех многочисленных закоулках ее небольшого имения.

Несмотря на свои шестьдесят пять, мадам Женестьева еще очень деятельна. Сегодня, например, она ждет своего любимого племянника Франсуа, сына покойной сестры Анетты, поэтому с раннего утра хлопочет по дому.

Служанка, молоденькая Дениз, дочка ее бывшей горничной, что-то запаздывает, хотя мадам Женестьева не любит необязательности и неаккуратности своей прислуги. У нее не так много средств, чтобы после смерти мужа, таможенного служащего, позволить себе платить нерадивым домашним помощникам. Поэтому приходится экономить, многое делать самой, а эти служанки нынче совсем не те, что раньше. Меньше, чем за пятьдесят франков в месяц, не соизволят что-то сделать без напоминания.

А силы уходят. Если не присматривать за домом и садом, все придет в запустение, но мадам Женестьева не сдастся. Многое ей пришлось перенести за свою жизнь, поэтому спокойная старость с хорошей пенсией, кото-

рую получает за умершего мужа, — не самое плохое время в ее жизни.

Она цепким хозяйским взором осмотрела комнату, приготовленную для племянника. Франсуа не привередлив, да и средства ее не позволяют делать в комнате ремонт к его приезду. Но ударить в грязь лицом мадам Женестьева не может, поэтому в комнате она навела блеск. Белые с шитьем крахмальные занавески на окнах — все еще те, из ее приданого; старый, но удобный диван, обитый черной клеенкой. Обивка на нем, правда, кое-где протерлась, но вида комнаты он не портит. Наоборот, как на вкус мадам Женестьева, он придает комнате удивительно уютный и домашний вид. Особенно если прикрыть его этим самодельным пледом в стиле лоскутного шитья. Удивительно, что мадам Женестьева помнит все свои платья и костюмы, из которых нарезались квадраты для изготовления этого пледа. Например, вот в этом сером кашемировом костюме она блеснула на морской прогулке в честь повышения мужа много лет назад. И мадам Женестьева с нежностью провела своей загубевшей от работы и старости рукой по довольно большому куску серой ткани.

Итак, к встрече Франсуа все готово. Надо только испечь его любимый пирог с сардинами и подать графин кальвадоса — местной крепкой яблочной водки. В Нормандии всегда обожали сытно поесть — нормандцы веселый и трудолюбивый народ, не признающий никаких диет. Веселиться так веселиться, а обедать так обедать! Застолья здесь всегда сытные и обильные. Хозяйка считается неважной, если гость не увидит у нее на столе знаменитого рыбного супа, который приправляют орехами и запивают кальвадосом. Выдумывать здесь не любят, предпочитая простые рецепты, но мадам Женестьева

уже предвкушала, как будет баловать своего любимого племянника жарким из утки «канар а ля руанезе», маленькими аппетитными колбасками «андуй», улитками в вине, ароматными омлетами и знаменитыми бисквитами, внешне очень похожими на морскую гальку. «Обязательно будем обедать по старинке, дважды, — подумала мадам Женевьева. — Перед первым обедом не торопясь выпьем по рюмочке кальвадоса на террасе, а в перерыве между трапезами или, как это называют в здешних местах, в “тру норманн” — “дыре”, племянник будет развлекать меня рассказами о Париже и своих ученых друзьях!»

Мадам Женевьева очень гордилась тем, что они с мужем помогли Франсуа получить высшее медицинское образование, хоть его обучение в Сорбонне и стоило им немалых денег. Все это было сделано в память о младшей сестре, соблазненной приезжим военным-ловеласом и умершей при родах. В наследство семье Лаке достался маленький орущий комочек, которого сейчас зовут мсье Франсуа Тарпи, и вместе с ним — небольшая рента с банковского вклада умершей сестры.

К чести мадам Женевьевы и ее мужа, деньги сестры остались в целости и сохранности, хотя их семья переживала и нелегкие времена. Снимались только проценты, и то иногда, сам вклад был неприкасаемым. Это были деньги Франсуа, и это не обсуждалось. «Мало ли на что могут понадобиться деньги мальчику!» — говорила мужу мадам Женевьева.

С улицы раздался звонкий смех Дениз.

«Вот гадкая девчонка! — подумала мадам Женевьева. — Я с утра как белка в колесе, а она флиртует с кем-то!»

И она поспешила вниз по лестнице, насколько могли позволить ее больные ноги.

Действительно, мадам Лаке не ошиблась. На крыльце дома стояла хорошенькая, крепенькая девушка в аккуратном синем платье, пышном белом переднике, подвязанном немного выше талии, и в старомодных черных туфлях на босу ногу.

Рядом, присев на раму велосипеда, расположился молодой человек, одетый по-рабочему, в толстый вязаный свитер и старые брюки, заправленные в высокие рыбацкие сапоги. На голове его, покрывая пышные вьющиеся волосы, красовалась выдавшая виды кепка. Увидев мадам Женевьеву, он улыбнулся.

— Доброе утро, мадам, — вежливо сказал он и снял кепку. — Какое чудесное утро, не правда ли?

— Правда, утро чудесное, Шарль, — ответила сердито мадам Женевьева.

Она повернулась лицом к Дениз и, скривив губы в недовольной гримасе, спросила:

— А вы, милочка, когда собираетесь приступить к выполнению своих обязанностей? Я жду вас уже несколько часов и самостоятельно навожу порядок в доме. Хотя, насколько я помню, это должны делать вы. И за это вы получаете деньги, которые, видит Бог, достаются мне нелегко!

Дениз в ответ скорчила милую гримаску и, не говоря ни слова, прошла в дом. Напоследок она оглянулась, послав Шарлю искрометный и красноречивый взгляд озорных карих глаз, который мадам Женевьева, ввиду своего возраста и нерасторопности, конечно же, не заметила.

— Как поживаешь, Шарль? — спросила мадам Женевьева у молодого человека, потому что необходимо было что-нибудь спросить. На этот случай у нее в запасе всегда была пара-тройка общепринятых вопросов, выражавших если не явный, то хотя бы формальный интерес к собеседнику.

— Нормально, — хитро щурясь, ответил Шарль, как видно, все понимавший. — Если бы еще и рыба ловилась! Что-то позабыли наши рыбаки о хорошем улове.

Мадам Женевьева подняла к небу свои выцветшие, когда-то голубые глаза и пожевала губами.

— Зря ты пошел в рыбаки, — после нескольких секунд молчания изрекла она. — Говорила я тебе, непутевому: нечего менять коней на перепутье. Выучился писарскому делу, вот и занимайся этим всю жизнь, как мой муж, как твой отец. А ты скачешь, как молодой воробей. То да се, а на кусок хлеба с маслом не можешь заработать. Вот брюки на тебе грязные, кепка мятая и свитер залапанный. Что хорошего?

— А что плохого? — засмеялся в ответ Шарль. — Я, мадам, не вижу трагедии в том, что человек себя ищет. Ведь это свойственно каждому — искать себя и свое предназначение. Ну, поработал я писцом в таможене при вашем муже. Хороший был человек, пусть земля ему будет пухом. И относился ко мне по-доброму, а все равно не нравилось мне у него работать. Сиди целый день, да знай, скрипя пером, бумаги переписывай. Работа скучная, оплачивается плохо.

— Зато стабильно, — вставила мадам Женевьева.

— Стабильно, — согласно кивнул Шарль. — Да все равно мне на жизнь не хватало. Сейчас я сам себе хозяин. Хочу — выйду в море, не хочу — лодку чиню или в трактире, у мсье Жана, вино пью. Я вольный житель Вандеи. А в таможенной конторе я целыми днями только и делал, что бумажную пыль глотал. Да я чуть в канцелярскую крысу не превратился!

Тут он прикусил язык и искоса взглянул на мадам Женевьеву, ведь в городке ее покойного мужа за глаза называли именно так — «канцелярская крыса».

Но Шарль зря опасался. Мадам Женевьева совсем его не слушала, ее мысли были где-то очень далеко.

— Ну, так я поехал, — сказал Шарль, садясь на велосипед и оглядываясь на свою собеседницу, застывшую на крыльце.

Он оттолкнулся ногой от земли и бодро закрутил педали.

Только тут мадам Женевьева, думавшая о своем племяннике, который был почти одного возраста с Шарлем, заметила, что тот уезжает.

— Шарль, а как твоя матушка? Выздоровливает? — слабо прокричала она ему вслед.

Шарль что-то крикнул в ответ, но так как он отъехал уже довольно далеко, а мадам Женевьева была глуховата, она ничего не разобрала, но подумала, что, если бы мадам Орсэ чувствовала себя хуже, ей об этом сразу же донесла бы прачка, которая доводилась крестной Шарлю.

— Передавайте ей привет! — снова слабым голосом прокричала мадам Женевьева.

Шарль снял кепку и покрутил ею в воздухе, давая понять, что услышал пожелание мадам Женевьевы.

Она, вздыхая, медленно пошла к дому. Мадам Женевьева расстраивалась потому, что болезни ее одногодок, каковой была и мать Шарля Орсэ, напоминали ей о ее возрасте и все усугублявшейся немощи.

Вот, например, до сего дня она не держала кухарку. Но, видимо, придется-таки нанять еще одного работника в дом, потому что с приездом Франсуа работы прибавится. А по сегодняшним хлопотам и затраченной на это энергии она поняла, что ей без помощницы не справиться с возросшим количеством дел в кухне.

Как быстро прошла жизнь! Только недавно она и ее подруги по школе в белых передниках бегали причащаться

к отцам-иезуитам. А после этого, радостные и нарядные, они гурьбой возвращались в городок, строя глазки проезжавшим в тележках парням. И вот уже ничего, кроме болезней и одиночества, не осталось. А ведь она так хотела выучиться ездить на велосипеде, скакать на лошади в дамском седле (ах, как это романтично!) и летать на аэроплане! А вместо этого на протяжении двадцати лет исполняла роль хорошей хозяйки и преданной, верной жены таможенного чиновника — «канцелярской крысы», как неосторожно выразился сегодня Шарль. Он думал, что мадам Женевьева не заметила его оплошности. Но нет, он ошибся. Ей не нравилось, как называли ее мужа в городке, но сделать ничего уже было нельзя. Крепче всего прилипают к людям прозвища, которые дает народ, и вытравить это из памяти обывателей невозможно. Поэтому лучше не понимать намеков, прикидываясь глуховатой, как она и делала.

Мадам Женевьева опять вздохнула, но теперь уже по поводу новых трат на кухарку, и принялась перебирать в уме подходящие кандидатуры на эту должность. Надо будет оповестить всех знакомых, что ей необходима опытная и недорогая кухарка, которая хорошо умеет готовить местные блюда, ведь они сытны и не так дороги, как те, что готовят парижане. Конечно, Франсуа привык у себя обедать по-другому, но зато мадам Женевьева постарается познакомить его с кулинарными изысками его родной Нормандии. И она принялась в уме перечислять все интересные, на ее взгляд, блюда, которые бы понравились ее племяннику. Их получилось немало. Даже если Франсуа останется надолго, в чем мадам Женевьева сильно сомневалась, поскольку знала, что племянник предпочитает столицу, то она не ударит в грязь лицом перед своим единственным и любимым родственником.

Мадам Женевьева автоматически протирала до блеска начищенные посеребренные подносы и подстаканники, стоявшие в старинном буфете, и продолжала думать о кандидатуре приличной кухарки.

Итак, прежде всего о подыскиваемой кухарке должна узнать хозяйка мясной лавки мадам Эмма Додар и крестная ее дорогого племянника мадам Соваж. Обе уже несколько лет были как бы связующим звеном для мадам Женевьевы. Она мало передвигалась по городку и предпочитала проводить время в своем доме. К ним можно было присовокупить и прачку, приходившую два раза в неделю и приносящую новости из городка, и владельца небольшого трактира, в котором собирались небогатые рыбаки. Он дружил с покойным Пьером Лаке и вместе со своей женой не реже двух раз в месяц навещал одинокую вдову. Этими людьми круг общения мадам Женевьевы и ограничивался. Служанка Дениз не в счет. Она взбалмошная и глупая девица, даже не окончила начальную муниципальную школу и понятия не имела о хороших манерах! Что она может рассказать мадам Женевьеве? О своих наивных мечтах о богатом женихе? Да кто из богатых на нее позарится? Сейчас хотят видеть рядом женщин домовитых и образованных, а не сельских финтифлюшек. Если бы не просьбы бывшей горничной, матери Дениз, мадам Женевьева никогда бы не держала в доме эту, с позволения сказать, «жужелицу». Нет, не выйдет толку из Дениз.

В этот момент своих тяжких раздумий мадам Женевьева вдруг подпрыгнула, как будто ее ударило током. Боже, разве можно оставлять Дениз в доме, раз приезжает племянник? Допускать ее в дом, где будет жить молодой, красивый, неженатый мужчина — значит не желать себе добра! Может, воспользоваться случаем

и отказать ей от места? Это надо срочно обдумать и обсудить с Эммой Додар, хозяйкой лавки, где Дениз два раза в неделю закупает продукты. Естественно, Эмма, как женщина практичная и наблюдательная, составила мнение об этой девушке.

Мадам Женевьева подумала, что сегодняшнее посещение мясной лавки — обязательная часть плана. Во-первых, нужно посплетничать, ведь Эмма лучше всех знает жителей городка, знает, кто чем дышит и что из себя представляет и по моральным качествам, и по толщине кошелька. Во-вторых, сама лавка, или шаркьютери, — это место, без которого не может обойтись ни одна хозяйка. Лавка расположена очень удобно, в центре Понтабери, на пересечении улиц, по которым гуляющие спускаются к морю, ходят в церковь и на базар. В-третьих, ее владелица, мадам Додар, была любимой ученицей покойной сестры мадам Женевьевы. Именно в ее семье, на вечеринке, куда пригласили молоденькую и хорошенькую учительницу, сестра Анетта и познакомилась со своим соблазнителем, который потом стал ее мужем. История эта много лет назад наделала шуму в их маленьком городке. Сестра умерла, а мадам Женевьева почти тридцать лет воспитывает своего племянника Франсуа, никогда не знавшего ни отца, ни матери. А владелица мясной лавки, мадам Додар, всю жизнь делает небольшую скидку для семьи Лаке. Мадам Женевьеве всегда казалось, что хозяйка лавки как будто чувствует вину за обузу в лице племянника, которая свалилась на членов семейства Лаке по причине ее, мадам Додар, существования.

Итак, решено. Сегодня за покупками она пойдет сама. Конечно, Дениз это не понравится, так как этот шаг хозяйки лишит ее очередной возможности пофлирто-

вать с парнями возле трактира на площади и полакомиться лимонадом в лавке.

Мадам Женестьева начала спускаться по лестнице в подвал, чтобы проверить припасы. Спуск был довольно крут, поэтому она крепко держалась за перила. Включив свет, мадам Женестьева отыскала нужный ключ на связке, вставила его в замочную скважину и с трудом повернула. Замок щелкнул, тяжелая дверь с трудом поддавалась, но открылась. «Вот что значит отсутствие в доме мужчины!» — подумала мадам Женестьева. Был бы жив муж или хотя бы Франсуа чаще навещался и интересовался хозяйством, разве толкала бы она немощным плечом эту растреклятую заедающую дверь?

Мадам Женестьева зашла в кладовую и не двигалась секунд двадцать, пока ее слабые глаза не привыкли к тусклому свету лампочки под потолком. В кладовой, как и везде в доме, был образцовый порядок. Стены побелены, по углам нет и намека на паутину, деревянные полки протерты от пыли, а железные выкрашены желтой краской и застелены чистой бумагой. Количество заготовок на этих полках производило неизгладимое впечатление на всех, кто попадал в кладовую. Соленья и варенья стояли строем в стеклянных банках, украшенных этикетками, на которых месяц изготовления и название продукта были написаны каллиграфическим почерком. Тушеная свинина и колбасы, залитые толстым слоем жира, покоились в железных банках. Утиные и куриные яйца были аккуратно сложены в специальные керамические емкости, застеленные выбеленным холстом. Мешки муки и сахара стояли под стеной. Аккуратно сплетенные косы золотистого лука были подвешены к одной из балок. Кочаны капусты и морковь были разложены по нарядным плетеным корзинкам, которые